

На этот раз Ци Сяохэ ревел по-настоящему, горько и безутешно. Слезы катились из его глаз нескончаемым ручьем. Их было так много, что Ци Цзюэ, вынужденный подойти и успокоить брата, озадаченно поджал губы, гадая, как в таком крошечном создании умещается столько сырости.

— Ну всё, не плачь, — попытка Ци Цзюэ утешить брата вышла сухой и бездушной, будто говорил робот.

Но его голос всё-таки подействовал. Сяохэ послушно зашмыгал носом, силясь сдержать рыдания. Кое-как разомкнув мокрые, слипшиеся ресницы, он робко посмотрел на Ци Цзюэ. Старший брат, как всегда, казался воплощением невозмутимости.

Сяохэ боязливо покосился за спину старшего брата. Не обнаружив там Ци Юня, он заметно приободрился, а страх в его глазах наконец угас.

Видя, что малыш успокоился, Ци Цзюэ вздохнул с облегчением. Опустив взгляд, он заметил на ступеньках игрушечный паровозик. Игрушка была сделана на совесть и уцелела при падении — лишь один бок слегка поцарапался, отчего паровоз потерял свой магазинный блеск.

Когда Ци Цзюэ поднял игрушку, Сяохэ вдруг вспомнил недавние слова Второго брата. Сердце у него ушло в пятки. Захлебываясь слезами, он торопливо забормотал, отчаянно заикаясь:

— Э-этот паровозик... он мой! Честное слово, я его не крал и не отбирал!..

— Знаю, — отозвался Ци Цзюэ всё тем же ровным голосом.

Столь быстрый и простой ответ заставил Сяохэ опешить. Он застыл, глупо хлопая глазами, и лишь спустя пару секунд до его детского разума дошел смысл этих слов.

Его заплаканное, перемазанное пылью личико мгновенно озарилось неподдельной радостью, а голосок взлетел на целую октаву:

— Братец, а откуда ты знаешь?!

Ци Цзюэ вложил игрушку в ладонь брата. Уклонившись от прямого ответа, он лишь спокойно заметил:

— Если его собрать, он поедет сам. В коробке наверняка остались другие детали, из которых собираются рельсы.

Игрушку для Ци Яо в своё время собрал сам Ци Линьгуан, в то время как Сяохэ носился со старым облезлым локомотивом как с величайшим сокровищем, даже не подозревая о

существовании рельсов.

Сяохэ, конечно, не понял сложной логики старшего брата. Малыш был просто заморожен его всезнанием.

— Железную дорогу?! — его глаза загорелись. — Я сейчас же принесу её! Коробка осталась в саду!

Он пулей взлетел со ступенек и с громким топотом помчался к выходу. Сяохэ побежал так резво, будто и не он только что заливался горячими слезами.

Вообще-то Ци Цзюэ планировал сразу же подняться к себе в комнату, едва закончив возиться с мелким. Однако, взглянув в окно на торопливо семенящую к саду крошечную фигурку, он почувствовал, как внутри потеплело. Помедлив, он так и остался сидеть на лестнице.

И не ошибся. Вскоре Сяохэ, смешно спотыкаясь, ввалился в дом с огромной коробкой в охапку. На лице его сияла улыбка, а заметив, что старший брат всё ещё ждёт его на лестнице, он и вовсе просиял от счастья. Подбежав к Ци Цзюэ, мальчик плюхнул свою ношу на пол и сам уселся рядом прямо на голый паркет.

Ковыряясь пухлыми пальчиками в коробке, он принялся выуживать наружу разноцветные детали.

— Братец, я не умею... — пролепетал он, с надеждой заглядывая Ци Цзюэ в глаза. — Научи меня, пожалуйста. Я тоже очень-очень хочу поиграть...

Тонкий голосок звенел робко и нежно. Ци Цзюэ, который почти всю жизнь провёл за границей, толком не знал ни одного из своих младших братьев.

Однако сейчас, глядя на склонённую над деталями вихрастую макушку Сяохэ и его сияющие черные глаза, полные искреннего, чистейшего обожания, Ци Цзюэ подумал, что возиться с младшим братом — не такое уж неблагодарное дело.

Физически Ци Яо почти не пострадал, зато не на шутку раздулся от обиды. Осмотревший его врач покачал головой: мальчик был слишком зажат. Впрочем, сколько доктор ни пытался разговаривать его мягкими наводящими вопросами, Ци Яо лишь упрямо стискивал зубы и не проронил ни слова.

Ци Юня это не удивило — эти двое дрались регулярно. Немного остыв и вернув самообладание, он присел на край постели Ци Яо и строго посмотрел на брата.

— Толкаться на лестнице! — сурово выговорил он. — Ты что, нарочно напрашиваешься на перелом ноги? Ума совсем нет?

В любой другой день Ци Яо уже вовсю ябедничал бы на Сяохэ, картинно размазывая слёзы. Но сейчас он лишь молча шмыгнул носом, и его глаза мгновенно покраснели.

Сердце Ци Юня тут же растаяло при виде этой жалкой картины. Он мягко отвел упавшую на глаза челку брата, коснулся его лба и уже гораздо мягче произнес:

— Если бы ты и правда сломал ногу, представляешь, как было бы больно? Не делай так больше, ладно?

Ци Яо шмыгнул носом и покорно кивнул.

Когда они вышли из спальни, внизу в просторной гостиной хлопотали лишь несколько слуг. К этому времени в усадьбу как раз вернулся старый дворецкий.

Завидев Ци Юня, старик торопливо засеменил к нему навстречу, держа в руках изящный конверт с приглашением:

— Второй молодой господин, завтра намечается банкет по случаю помолвки. Глава семейства просил вас со старшим молодым господином взять с собой младших братьев и съездить развеяться.

Ци Юнь озадаченно изогнул бровь, бросив на дворецкого вопросительный взгляд.

Старик деликатно откашлялся и, воровато оглянувшись, понизил голос до шепота:

— Госпожа, скорее всего, тоже там появится. Если вам, молодым господам, удастся с ней поговорить... попробуйте уговорить её вернуться домой.

Сделав всё возможное, чтобы сгладить углы и передать просьбу Ци Линьгуана — который сам был слишком горд, чтобы признать поражение перед женой, — старый дворецкий втайне тяжело вздохнул.

Ци Юнь мгновенно всё понял. В его лукавых глазах заплясали искорки смеха. Спрятав приглашение, он кивнул:

— Хорошо, мы сделаем всё, что сможем.

Пусть он и не знал, какая кошка пробежала между родителями и почему они разругались до

такой степени, по поведению отца было ясно: долго эта размолвка не продлится.

Тем не менее Ци Линьгуан упорно продолжал держать марку перед сыновьями. К общему ужину он так и не спустился, приказав слугам отнести еду к себе в кабинет.

Впрочем, ни невозмутимый Ци Цзюэ, ни не по годам взрослый Ци Юнь не обратили на это внимания. Ци Яо из-за расстроенных чувств напрочь лишился аппетита, но капризничать и звать папу не решился.

Ну а Сяохэ и подавно не собирался расспрашивать про отца. Без гнетущего присутствия Ци Линьгуана он чувствовал себя куда вольготнее. Мальчик уплетал ужин за обе щеки, окончательно позабыв про дневные слезы.

Игрушечные рельсы были собраны, а старший брат лично провел с ним кучу времени, запуская локомотив прямо на ковре в его спальне. Сяохэ чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Но стоило ему во время еды случайно бросить взгляд на сидящего напротив Ци Юня, как приятное забытие мгновенно улетучилось, уступив место горьким воспоминаниям.

Второй брат отказался от него.

У Сяохэ обиженно задрожала нижняя губа.

— Молодой господин Сяохэ, положить вам добавки? — ласково спросил подошедший дворецкий, намереваясь взять его тарелку.

— Не надо, я сыт, — шмыгнув носом, хмуро отказался мальчик.

Дворецкий в замешательстве уставился на руку Сяохэ, которая, несмотря на суровый отказ, продолжала упрямо тянуться палочками к общим блюдам.

Нежные побеги бамбука были объединением... А мясо на ребрышках так и таяло во рту... Но Второй брат больше не хотел его знать.

От этой мысли в груди предательски заклокотало, готовое вырваться наружу громким ревом. Сяохэ с трудом сдержал слезы, изо всех сил стиснув зубы: если он сейчас разрыдается, Второй брат точно поднимет его на смех.

Сяохэ теперь до глубины души раскаивался в своей глупой угрозе «разорвать все братские узы».

Ци Юнь, разумеется, кожей чувствовал этот тяжелый, полный немого раскаяния детский взор, но упорно продолжал невозмутимо ужинать.

Стоило Ци Юню обмолвиться, что завтра они едут на празднование помолвки в западную часть города, как уныние Сяохэ как ветром сдуло. Будучи не в силах устоять перед возможностью повеселиться в толпе, он тут же засыпал стол ворохом вопросов:

— Помолвка? А что это такое? Там будет невеста в красивом платье? А подарки гостям дают?

Однако на его восторженный лепет никто не отозвался. Ци Юнь демонстративно игнорировал его присутствие, а Ци Цзюэ просто не любил пустую болтовню. Раньше на любые глупые расспросы Сяохэ и Ци Яо всегда терпеливо и ласково отвечала Инь Ваньчжэнь. Но мамы дома не было, а единственный умеющий ладить с детьми человек в семье теперь упорно молчал, отчего за столом повисла тяжелая, гнетущая тишина.

Сяохэ не почувствовал себя униженным — он слишком привык к такому отношению, — но радостный пыл угас, сменившись щемящим чувством одиночества.

Он робко покосился на Ци Яо. Тот сидел понурившись и с ожесточением кромсал вилкой еду в своей тарелке, превращая ужин в кашу.

Обида Ци Яо еще не утихла, и уговаривать его поесть никто не собирался. Умудренный опытом дворецкий лишь тихонько шепнул поварам, чтобы те припрятали порцию ужина — ночью маленький капризник обязательно захочет есть.

Сам же Сяохэ давно сменил гнев на милость. Если быть точным, его детская память уже стерла детали дневной драмы. Он почти позабыл, что весь сыр-бор разгорелся из-за того, что он погнался за Ци Яо, а тот толкнул его на злосчастной лестнице.

На многолюдных приемах они с Ци Яо всегда заключали временный мир и веселились бок о бок. Старшие братья для них были точно инопланетяне: пускай разница в возрасте казалась смехотворной, Ци Цзюэ и Ци Юнь вели себя как абсолютно взрослые, чужие люди.

Сяохэ сделал робкую попытку навести мосты:

— Ци Яо...

Это имя подействовало словно спусковой крючок. До этого молча терзавший ужин Ци Яо с грохотом вскочил со стула и наотмашь швырнул в сторону Сяохэ зажатый в руке предмет. По воздуху промелькнула быстрая стальная тень.

Сяохэ испуганно зажмурился и закрыл лицо руками. Раздался оглушительный металлический звон — вилка врезалась в глубокую супницу прямо перед его носом. Жирные брызги бульона

полетели во все стороны, мгновенно украсив его светлую рубашку уродливыми пятнами.

До старших братьев не сразу дошло, что стряслось. Заметив покачивающуюся в супнице вилку, Ци Цзюэ мгновенно изменился в лице. Он порывисто поднялся, подошел к испуганному Сяохэ и принялся торопливо закатывать его рукава, проверяя, не обжегся ли тот. Затем он ледяным, режущим слух тоном обратился к Ци Яо:

— А если бы тебе кто-то швырнул вилку прямо в лицо и пробил череп? Как бы ты тогда запел?! Откуда в тебе эта дикость — бросаться на людей с приборами?!

Ци Яо швырнул вилку в порыве слепой ярости, просто не выдержав голоса Сяохэ. Впрочем, даже будучи вне себя от гнева, он инстинктивно метил в супницу, а не в самого Сяохэ, понимая, что бить человека металлической посудой нельзя.

Но как ни крути, это было смертельно опасно.

Случившееся настолько напугало Ци Юня, что его лицо на мгновение сделалось мертвенно-бледным. Он даже забыл о своем неписаном правиле всегда и во всем выгораживать Ци Яо.

Суровый выговор старшего брата больно ударил по самолюбию Ци Яо. Накатившая волна детской обиды лишила его дара речи. Он впервые осознал, что рассерженный Ци Цзюэ выглядит в сто крат страшнее грозного отца. Не в силах больше сдерживаться, мальчик отчаянно, во весь голос разрыдался.

Выскочив из-за стола, он бросился наутек и с громким плачем устремился вверх по лестнице, к себе в спальню.

Ци Юнь медленно опустил палочки на стол и задумчиво посмотрел на сидевших напротив.

Сяохэ застыл бледной статуей, переводя испуганный взгляд с супницы на братьев. Кажется, он до сих пор не до конца осознал, что только что едва не лишился глаза. Ци Цзюэ тем временем бережно ощупывал его предплечья, проверяя, не оставили ли горячие капли бульона ожогов.

Немного подумав, Ци Юнь решил не бежать успокаивать Ци Яо. Брату действительно полезно было выслушать жесткие слова Ци Цзюэ. Даже если он не любил Сяохэ, швыряться железными приборами за столом — это за гранью дозволенного.

В воспитании детей такого возраста Ци Юнь знал толк. Сейчас Ци Яо нужно было дать побыть одному — пусть поплачет в подушку, выпустит пар, а потом крепко уснет. Утром от этой бури не останется и следа.